

УДК 114/115(=512.157)
DOI 10.25587/SVFU.2023.24.54.007

С. Е. Ноева (Карманова)

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
г. Якутск, Россия
e-mail: Noyeva79@mail.ru

Поэтика «Счастливого Якутска» («Дьоллоох Дьокуускай») в якутской прозе 50–80-ых гг. XX в.

Аннотация. Цель исследования – выявление поэтических особенностей геокультурной модели «Дьоллоох Дьокуускай» (Счастливого Якутска), формирующейся в 50–80-ых гг. XX в. Задачами статьи являются выявление художественных элементов, складывающихся в единый текст Счастливого Якутска; определение качественных характеристик геокультурной модели «города-университета»; актуализация идеи созидания как основного лейтмотива национальной прозы 50–80-ых гг. XX в. Новизна исследования заключается в изучении модели «города в городе» – города-университета, студенческого городка Сэргэлээх, объединяющем в своем едином смысловом спектре структурные уровни Счастливого Якутска: эволюцию героя, мотив мечты, концепт счастья и молодости и др. Достаточно интересно интерпретируется в спектре национально-поэтической образности концепт белого теплохода, который может быть интерпретирован как олицетворение мечты человека в узком смысле и как образ советского абсолютизма, торжественного и мощного, в широком понятии. В результате определены поэтические особенности городской культурной модели «города-университета» как основной хронопической системы в модели Счастливого Якутска; выявлены место и роль героя прозы 50–80-ых гг. XX в., сознание которого чрезвычайно отзывчиво к модификациям окружающего ландшафта.

Ключевые слова: художественная урбанистика, городской текст, геокультурная модель, город-университет, Сэргэлээх, хронотоп, концепт, эволюция героя, мотив мечты, концепт счастья.

Для цитирования: Ноева (Карманова) С. Е. Поэтика «Счастливого Якутска» («Дьоллоох Дьокуускай») в якутской прозе 50–80-ых гг. XX в. // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2023, № 1(31). С. 63–73.

S. E. Noeva (Karmanova)

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russia
e-mail: Noyeva79@mail.ru

The poetics of «Happy Yakutsk» in Yakut prose of the 50–80s of the twentieth century

Abstract. The purpose of the study is to identify the poetic features of the geocultural model «Dyolloh Dyokuuskai» (Happy Yakutsk), which was formed in the 50–80s of the twentieth century. The objectives of the article are to identify the artistic elements that form a single text of Happy Yakutsk; to determine the qualitative characteristics of the geocultural model of the «city-university»; to actualize the idea of creation as the main leitmotif of national prose of the 50–80s of the twentieth century. The novelty of the research lies in the study of the model of a «city within a city» – a university city, a student town of Sergeleeh, combining in its single semantic spectrum the structural levels of Happy Yakutsk: the evolution of the hero, the motive of dreams, the concept of happiness and youth, etc. It is quite interesting to interpret the concept of a white motor ship in the spectrum of national poetic imagery, which can be interpreted as the personification of a person's dream in a narrow sense and as an image of Soviet absolutism, solemn and powerful, in a broad concept. As a result, the poetic features of the urban cultural model of the «university city» as the main chronotopic system in the model of Happy Yakutsk are determined; the place and role of the prose hero of the 50–80s of the twentieth century, whose consciousness is extremely responsive to modifications of the surrounding landscape, are revealed.

Keywords: artistic urbanism, urban text, geocultural model, city-university, Sergeleeh, chronotope, concept, evolution of the hero, dream motif, concept of happiness.

For citation: Noeva (Karmanova) S. E. The poetics of «Happy Yakutsk» in Yakut prose of the 50–80s of the twentieth century // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2023, No. 1(31). P. 63–73. (In Russ.)

Введение

В последнее десятилетие исследования локальных геокультурных ландшафтов все больше актуализируются и обретают научную автономность. Город имеет достаточно явные универсальные маркеры, предусматривающие размежевание пространства городской реалии от сельского социума. Значительная концентрация людей на определенной территории, развитие социокультурных сфер жизни, обеспечивающих интенсивный рост экономики города, расширение площади городского топоса и плотности населения – такие признаки городской динамики позволяют создать яркий портрет урбанизированного пространства.

Общекультурная модель, связанная с влиянием универсальной символики города, создает также такие характерологические черты, связанные с городом: «власть

города над человеком, искусственность и механистичность жизненного уклада, губительное влияние на природу и искажение нравственных основ существования, лихорадочный темп жизни, одиночество в многолюдии» [1, с. 52]. Роль города в развитии общества на протяжении всей многовековой истории неразрывно связана с социально-экономическими функциями, характеризующимися удовлетворением материальных и духовных потребностей человека, и потому урбанистический ландшафт всегда многослоен и многосторонен.

Особенности структурирования региональных текстов, берущие за основу принципы исследований В. Н. Топорова о городских текстах, легли в основу изысканий, касающихся целостных геокультурных ландшафтов Урала, Кавказа, Сибири и др. В изучении провинциальных текстов русской культуры, в исследованиях по семантике городской среды (Пермь – у В. В. Абашева, Архангельск – у А. Н. Давыдова, Петрозаводск – у И. А. Разумовой, Челябинск – у Е. В. Милюковой и др.) достаточно конкретно определяются принципы анализа локального текста как уникальной художественной системы, смыслового целого, аккумулирующего в себе, прежде всего, особенности геокультурных характеристик данных территорий. Их работы и предложенная методология послужили теоретической базой в написании данной статьи.

В контексте нашего исследования стоит отметить работы отечественных ученых, в которых применительно к городским текстам рассматривается интересный ракурс репрезентации – специфика функционирования моделей городов-садов, городов-заводов, городов-университетов, города-театра и т. д. (Н. А. Криничная, А. А. Степанова, М. П. Гребнева, Б. В. Соколов, М. В. Капкан, Г. Е. Гун, Д. С. Бокурдзе и др.). Большой пласт исследований направлен на проблему различных форм городской коммуникации, конструирующих типы городов-заводов, которые оказали большое влияние на формирование специфической уральской идентичности. Объектом исследования во многих современных исследованиях также становится город-университет, который получает своеобразный алгоритм решения и в прочтении якутского городского текста.

Хотя проблема «город/село» специально не становится объектом исследования в якутской науке, вопросы, касающиеся данной методологической проблемы, частично рассматриваются в работах литературоведов П. В. Максимовой (романы 60–80-х гг. XX в.), В. Б. Огороковой (жанровые разновидности якутского романа), Д. Е. Васильевой (романная полисюжетность), А. Н. Мыреевой (образы природы и человека), Ю. Г. Хазанкович (хронотоп кочевья), О. И. Пашкевич (национальная идентичность в прозе), Ж. В. Бурцевой (транскультурная пограничность в литературе русскоязычных писателей Якутии, северный текст), С. И. Ефремовой (хронотоп дороги), С. Е. Ноевой (система хронотопа в якутских романах), а также в исследованиях специалистов, относящихся непосредственно к теме города: Л. И. Винокуровой (город в восприятии мигрантов), В. Б. Игнатъевой (город как место памяти), И. В. Покатиловой (образы православного Якутска), П. П. Петрова (городское зодчество) и др. Их исследовательская позиция направлена на раскрытие единого образа северной земли, в т. ч. города Якутска, как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью в культуре народов Севера. Как видно, напрашивается логическое продолжение данных научных изысканий

в виде систематизированного рассмотрения репрезентации образа города в якутской прозе, где накоплен достаточно большой материал.

Основным объектом статьи становится модель «города в городе», студенческого городка Сэргэлээх, который объединяет разные структурные уровни – хронотоп, эволюцию героя, мотив мечты, концепт счастья и молодости и др. Методология подхода к изучению текста определяется выстраиванием особой модели анализа, где центральную роль играет выделение структурообразующих характеристик, признаков, составляющих уникальный портрет провинциального города Якутска 50–80-ых гг. XX в., определяющих его исключительную статуальность в ряду других городских ландшафтов – города «на краю» культурного пространства, далеко расположенного от центра, находящегося в суровых климатических условиях.

Основная часть

Освоение внешнего мира в якутской прозе данного периода как олицетворение эволюции, внутренней динамики персонажа наиболее полноценно передает весь спектр открытости сознания человека новой советской эпохи и представляет интерес в контексте проблемы самоидентификации человека в современном меняющемся мире. И эта трансформация, произошедшая с художественным героем, которому открылись границы новых пространств (в т. ч. и города), обусловлена, прежде всего, жанровой спецификой советской прозы, которая определяет широкий спектр отношений человека и мира.

Стоит отдельно отметить, что в контексте прозы первых якутских писателей П. А. Ойунского, А. И. Софронова-Алампа семантическое целое «Дьоллоох Дьокуускай» имело неоднозначное смысловое звучание и употреблялось в значении особого критического места, где решались судьбы людей, прибывших за счастьем «*Дьоллоох Дьокуускайга дьол кэрдһө кэлбит*» (досл. *приехать в Счастливый Якутск за счастьем*) – не все приехавшие за счастьем приходились по нраву Госпоже Якутску, подобно персонажам первых якутских писателей Суосалдьыйа Толбонноох, Николая Дорогунова, городчика Степана и др.

В противоположность им *вхождение в город* середины XX в. становится особой ситуацией, в пределах которой актуализируется потенциал героя, чьи высокие стремления соотносятся с идейной осью счастливого советского времени. Мотив *въезда (вхождения)* в город есть довольно известный мотив в культуре многих народов мира, начиная с библейских текстов¹, где ворота города воспринимаются в аналогии с лоном матери, олицетворяя духовное ново-рождение человека.

Концепт «Дьоллоох Дьокуускай» (досл. *Счастливый Якутск*, широко употребляемое в народе выражение), получающий активную реализацию в якутской литературе второй половины XX в., как олицетворение жизни советского города, употребляется по отношению к данному культурному периоду в прямом смысловом эквиваленте и выражает благодатное время для народа, отражая социально-культурную жизнь якутской молодежи, городской интеллигенции, наполненную светлыми, радостными днями.

¹ В связи с понятием въезда в город интересно мнение О. Фрейденберг о воротах города как женской утробе. Семантическая связь входа в город с половым актом усиливает понимание того, что человек, вступая в город, рождается на новом уровне.

Топосом-ядром Счастливого Якутска становится Сэргэлээх, «город в городе», центр культуры и науки, объединивший яркую творческую якутскую молодежь из разных точек республики. Можно отметить, что именно формированием студенческого городка ратифицирован особый городской статус Якутска, т. к. ключевым свойством урбанистического ландшафта является централизация молодежи, основной динамичной части городского контингента, который каждый год обновляется свежей, неутомимой энергией людских масс.

Город на окраине, которым некогда слыл грязный и деревянный Якутск, претерпевает модификации в город-университет в 1956 г. с открытием системы высшего образования в республике. Это город света с активно строящимися каменными высотными домами – во всем его образе концентрирована идея развития вверх и ввысь. Топос советского Якутска, наполненный солнечным светом, весенними запахами, порождает ситуации абсолютного счастья, когда город имманентно наполнен смехом, радостью, юношескими ожиданиями большой мечты, светлой любви – поэтому вполне закономерно появление образа человека новой эпохи, молодого, уверенно глядящего вдаль – и этот человек, скорее всего, есть студент из деревни, обучающийся в университете.

Образ горожанина, гармоничной личности, ощущающей себя довольно свободно и непринужденно в городе света и науки, Счастливым Якутске, который явился для него пространством созидания в материальном и духовном планах (неслучайны создающие профессии персонажей этого поколения: инженер, врач, учитель, библиотекарь, преподаватель, научный работник, студент, спортсмен, артист и др.), раскрывается в якутской прозе 1950–1980-х гг., рассказах и повестях А. И. Федорова, Софр. П. Данилова, М. Ф. Догордурова, В. Н. Гаврильевой, Н. А. Габышева, Е. П. Неймохова, Н. А. Лугинова, А. С. Сыромятниковой, В. Н. Гаврильевой, Л. А. Попова, романах Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя, В. С. Яковлева-Далан, Н. А. Лугинова и др.

Ареал жизни нового горожанина обогатился понятиями дотоле неизвестными и новыми для него, расширением социально-культурной (учеба, спорт, культура, театр, библиотека, вечеринки), материальной сфер жизни (еда, торговля, техника и т. д.), осознанием наличия других людей, иной культуры, национальности, внешности и пр., познанием иных далеких горизонтов мира.

Пространство города представлено как мир возможностей, углубления границ героем произведения – писателями активно используется *образ теплохода*, воплощающего в себе динамику и силу современной жизни. Атмосфера светлого, радостного города ярко передана в рассказах А. И. Федорова, Н. А. Габышева, где довольно ярко представлен образ белого теплохода, который интерпретируется как персонификация советской жизни, наполненной торжеством, динамикой и мощью: «...из-за мыса, сверкая разноцветными огнями, завиднелся величавый пароход, там наверное очень хорошо, тепло, много людей, вкусная еда, музыка...») [3, с. 198] (Белоснежный пассажирский пароход плывет по широкой Лене. Люди кушают, угощают друг друга разными вкусностями. Начали появляться группы играющих в шахматы, шашки, карты) [3, с. 222]. Образ теплохода есть неотъемлемая часть городского ландшафта и в петербургских, московских текстах и является составляющей частью современного позитивно-имиджа города как динамичного пространства с сильной энергетикой. Теплоход на

Лене в качестве смысловой параллели, ассоциативно соединяющей северный город с московскими, петербургскими пространствами, становится образом, в котором объединяется идея всех советских людей – светлая мечта в коммунизм.

Безмятежность, как признак счастливого города, раскрывает светлое пространство Якутска, в размеренный ход жизни которого вовлечены все его жители. Персонажи рассказов Н. А. Габышева – представители городской интеллигенции, на первый взгляд щеголеватые, спокойные люди, хранящие в сердце еще свежие послевоенные воспоминания, они активно строят новую счастливую жизнь республики. В радостный и неспешный ритм городской жизни затянуты и неторопливые семейные беседы в новых каменных квартирах, привычные сергеляхские будни жизнерадостных студентов, стандартные хлопоты хозяек на Сайсаре, даже повторяющаяся изо дня в день работа старика-извозчика и др. Поэтому необоснованны представления селян, которые утрированно отмечают праздный образ жизни городского жителя, якобы все свободное время уделяющего чтению книг: «Сэгэттэйим, ол Дьокуускайдара диэн дойдуга дуостал үлэлээбэттэр үһү. Хата, кинигэ ааһан уонна суруксуттаан тахсаллар үһү. Биһиги курдук от оттуохтара дуу, ынах ыахтара баара дуу?» [10, с. 100] (Голубушка, в этом Якутске, говорят, никто не работает. По слухам, только и занимаются что чтением книг и письма пишут. Не будут они, как мы, сено косить и коров доить).

Ассоциативные связи Якутска и Петербурга, двух советских городов, стоящих на берегу водных просторов, живущих и развивающихся вопреки климатическим, экономическим, политическим сложностям, создаются и в его рассказе «Ленинградтаабы кэпсээн» («Ленинградский рассказ», 1972), где в основе сюжета – студенческие будни аспиранта-историка, якутской девушки Екатерины Чокуровой: «Саха сирэ уонна Ленинград, төһө да ыраах-ыраах сытталлар, биир дойду икки уһуга буоллаллар, аймахтыылар. Онон саха кыһа Ленинград муосталарынан, килбиэннээх Невскэй уулуссанын син биир Якутскай уулуссатынан хаамарын кэриэтэ сылдьар» [3, с. 181] (Якутия и Ленинград, хоть и лежат далеко друг от друга, являются краями одной страны, и родственны друг другу. И потому девушке-якутке, шагающей по мостовой Ленинграда, Невскому проспекту, кажется, что она словно идет по Якутску). Дождь, слякоть, снег, ветер, мороз – метеоролого-климатическая лексика петербургского текста индифферентна и якутскому тексту якутской литературы: «Ардах, силбик, хаар, тыал, бэл чысхаан – ити барыта Нева куоратыгар баардыны» [3, с. 180] (Дождь, слякоть, снег, ветер – все это тоже есть в городе на Неве). Две северные (аспект северности имеет немаловажное значение в прочтении этих двух городских текстов) столицы становятся центрами света, науки и культуры для многих советских людей.

В повестях «Хапсыһыы» («Схватка», 1983), «Көтүү» («Взлет», 1986) Е. П. Неймохова ярко представлены атмосфера и дух советского времени. В произведениях активно привлекаются образы *теплохода* и *самолета* (как аналогичного символа силы и мечты человека) в раскрытии образа героя, сюжета произведения. Якутск открывается взорам героев нового времени, молодой учительнице Ююйе, оперной певице Антониде Долгуновой, преимущественно с палубы белого парохода: «Пароход тумсугар тэлибириир кыһыл былаах анараа өттүгэр кытылга самнаспыт мас дьыэлэр харааралларын көрөөт, Антонида сүрбэ мөбүл гынна. Дьэ бу кэллэбэ Якутскай куорат барах-

сан...» [8, с. 6] (Когда за красным флагом, колыхающим на носу теплохода, завиднелись стоящие на берегу деревянные низкие дома, сердце Антонида встрепенулось); «*Дьэ бу онон-манан тоһутталаммыт тротуардаах, элбэх күн-дьыл өксүөнүн, ардабын-хаарын оборон хараарбыт эркиннэрдээх, сорохторо акылааттара сир кырсын хоту иннэл-таннал түспүт дьылэрдээх Дьокуускайым барахсан!*» [8, с. 8–9] (Мой Якутск, со старыми тротуарами, с накренившимися под тяжестью веков темными домами, любимый город).

А подающему надежды борцу Толе Догордурову с иллюминатора самолета: «*Ил-18 самолет халлаанга ханарыйан тахсарыгар Толя иллюминаторынан аллара көрбөхтөөтө. Якутскай арабас, күөх кырааскалаах таас дьылэрэ, харангара көбөрөн Өлүөнэ эбэ инэ кынат анныгар унга-хангас иннэннэмэхтээн ыллылар. Итиннэ ханна эрэ Сэргэлээбэ уонна нарын-сэмэй Ира барахсан хааллахтара*» (Когда Ил-18 поднялся на небо, Толя посмотрел с иллюминатора вниз. Под крылом самолета завиднелись ярко-желтые, голубые каменные дома, темно-синяя река Лена. Там где-то остались Сергелях и нежная, скромная Ира) [9, с. 44].

Якутск становится связующим звеном между молодой оперной певицей, спортсменом и другими мега-городами – Новосибирском, Москвой, Варной, Токио, Берлином и др., подобно магическим воротам в другие измерения. Такая же пространственная перспектива, определяющая одно из характерных свойств данного топоса – открытие через ворота города горизонтов мира – можно наблюдать в повестях М. Н. Догордурова, А. И. Федорова, В. Н. Гаврильевой, Н. А. Габышева, Софр. П. Данилова, романах писателей этого периода В. С. Яковлева-Далана, Н. Г. Золотарева-Якутского, И. М. Гоголева, Н. А. Лугинова и др.

В повести «Күндэли» (1970) Л. А. Попова текстовая структура Якутска утверждает смыслы Города Света – совокупность элементов урбанистического пространства, таких как парк культуры, библиотека, издательство газеты «Кыым», кинотеатр Лена, Саха театр, площадь Дружбы, университет, спортзал, наполнена идеей созидания. Для молодой Ююйи, учительницы из села Күндэли, Якутск идентифицируется с яркостью и сиянием. Поэтический облик Города Света представлен также эпитетным рядом понятия жара – «сыралый» (пышущий жаром), «нъялбарый» (расплаваться), «куйаас» (жара). Даже первый день, когда главные герои прибывают в город на теплоходе, озарен солнечным светом: «*Якутскай куорат Үүйэлээх Симоны сыралбан куйааһынан тоһуйбута*» [10, с. 98] (Якутск встретил Ююйю и Симона испепеляющей жарой); «*Дьон Аммосов аатынан уулуссаба, таксилар тобуоруйбут сирдэрин утары тротуарынан, күлүгэ суох сыралбанга тиэтэйэ-саарайа хаамсаллар*» [10, с. 100] (Люди, спеша, идут по улице Аммосова, по залитому жарой тротуару); «*Куйааһа бэрт эбит, сыралыйан олорор*» [10, с. 87] (Оказывается, очень жарко); «*остуол ньуурун маарынныыр дэхси уулуссата күн уотугар нъялбарыйбыт*» [10, с. 87] (Улица, будто ровная поверхность стола, блестит на солнце словно масло); «*Маннык баай, маннык улахан маҕаһыны Үүйэ көрө илигэ. Килэйэн-халайан сүрдээх...*» [10, с. 102] (Ююйэ никогда не видела такого богатого, большого магазина. Все блестит).

Однако *жар, пыль и отсутствие зелени* как перевернутой стороны Города Света становятся признаками города ослепляющего, изнуряющего и удушающего:

«Гастроном, обком, «Детский мир» үрүҥ эркиннэрэ күн уотугар харабы саатар-да чабыллаллар» [10, с. 100] (Стены гастронома, обкома, «Детского мира» светят на солнце, ослепляя глаза). «Тулан барыта күндэлэс, күлүк диэн ханна да суох» (Вокруг ни тени, все сияет) [10, с. 100], «Саха сириҥ салгыннаах тыатыгар күдэн быылынан, күөбэ суобунан аатырыан аатырбыт эбит – бу куорат» [10, с. 87] (В наследиях Якутии этот город славится пылью, серостью).

Ассоциативный ряд, характерный для урбанистического ландшафта, в котором все же наблюдается преобладание деталей и элементов «непорядка»: *үөмэхтэс* (суматоха), *аймалбан* (беспорядок), *буккуур* (путаница), *күдэн быыл* (пыль), бинарно противопоставляется упорядоченности смыслов *ыраас* (чистый), *күөх* (голубой), *сырдык* (светлый), *чабылхай* (яркий), *күндэлэс* (сияющий), касающихся хронотопа далекого села Кюндэли, что послужило решающую роль в финальном сюжете произведения – герои нового времени Үүйэ и Симон возвращаются жить в Кюндэли (подобную тягу к родине усматриваем в романе Н. А. Лугинова «Этажи», о котором более подробно речь пойдет в следующем параграфе).

В якутской прозе данного периода наблюдается всеобщая тенденция к человекоцентризму – в романах Н. А. Лугинова «Мэндизмэннэр» («Этажи», 1980), В. В. Яковлева «Уот иитиитэ» («Зарождение солнца», 1979), «Өрүстэр кирбиилэригэр» («На водоразделе рек», 1969), Софр. П. Данилова «Барыман даа, кубалар» («Не улетайте, лебеди», 1986), В. С. Яковлева-Далана «Доҕоруом, дабай күөх сыырдаргын» («Друг, взойди на зеленые холмы», 1991), доминирует идея о человеке нового времени с сильной потенцией – динамичного и амбициозного, руководствующегося мыслью, что он есть центр и творец мира.

Лейтмотивы «учебы», «работы», наиболее сильно актуализированные в романах «Этажи» (1980) Н. А. Лугинова, «Друг, взойди на зеленые холмы» (1991) В. С. Яковлева-Далана, отражающих будни города света и науки, способствуют реализации внутреннего потенциала героев романа, студента и молодого интеллектуала-архитектора. Концепт «строительство» (сотворение) является главным элементом в поэтике прозы данного периода, в котором город как искусственное начало может быть интерпертирован в качестве универсального образа Тела, а наука (учеба) – Разума. Человек, наделенный способностью менять мир вокруг себя, выступает в роли творца.

Идею о городе как об искусственном мире отмечает также В. Н. Гаврильева в повести «Следователь Иванов» (1989): в творческом видении архитектора Артура Долгуннурова город Талахтаах (в образе которого усматривается параллель с Якутском) должен застраиваться в сторону Күөх Кытыл. Амбициозны планы архитектора Долгуннурова, типичные для смелого, прорывного персонажа якутской прозы 50–80-ых гг. XX в., интеллигента-горожанина, который воспринимает себя в качестве творца, вершителя судьбы: «*Мин Талахтаахха адьас санга, бэйэм куораттын туттара иликтинэ мантан ханна да барыам суоҕа!*» [4, с. 89] (Не отступлюсь, пока в Талахтахе не построю новый город); «*Талахтаабы айбыт, күн сириҥ көрдөрбүт кимий? Кини! Долгуннуров. Талахтаах туһа диэн туруорса, эскиртэ сатыыр кимий? Эмиэ кини, Долгуннуров!*» [4, с. 90] (Кто сотворил Талахтаах? Он! Долгуннуров.). Утопические планы застройки целого квартала на искусственно осушенной протоке реки Күөх

Кытыл (досл. Голубой Берег) семантически дополняют понятие *күүх ыра* (досл. голубой мечты), концептуально закрепляющем образ призрачного города.

Как мы видим, концептуальный ряд, представляющий портрет Якутска, состоящий из компонентов природно-климатического субстрата – *тумана, тьмы, снега и дыма*, характерных для города-призрака, трансформируется в Дьоллоох Дьокуускай и активно дополняется в этот литературный период элементами города-мечты, который уже материален, состоит из бетона, стекла и гранита, прекрасен, желанен, но так же призрачен и обманчив. Расширяясь, расстояние между мечтой и реальностью, радостью и разочарованием углубляет экзистенциальную боль человека XX столетия, который остается один на один с разрушенными иллюзиями и катастрофической безысходностью, которые войдут в ряд основной проблематики литературы грядущего десятилетия – к которой шаг за шагом приближается человек, ослепленный солнцем утопического города Света.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что в якутской прозе данного периода Якутск предстает в геокультурной модели Счастливого Якутска, которая состоит из художественных элементов, складывающихся в единый текст: архитектурных локусов (университета, библиотеки, театра, парка, кинотеатра и т. д.), ландшафтных символов пространства (Чочур Мыраан, Кюех Хонуу и др.), метеоролого-климатических условий (мороза, жары, тумана и др.), практически-деятельностного аспекта жизни (научно-культурная, просветительская деятельность и пр.) второй половины XX в. Выделяющаяся из этой структуры модель города-университета как один из характерных образов Счастливого Якутска включает в себя: 1) ядро городского глоссария – университет, библиотека, студгородок Сэргэлээх, строительные институты, студенчество, молодость, архитекторы, лекции, преподаватели, наука и пр., и 2) элементы периферийных понятий – городские улицы, магазины, театры, парк, каток, рестораны и др.

Модель Счастливого Якутска (Дьоллоох Дьокуускай) как художественной системы, закономерно сформированной в советской литературе второй половины XX в., отражает типологические черты советского социалистического города, общего культурного явления в культуре советского периода, в котором центральная роль отводится человеку – основному двигателю и вдохновителю города, строителю нового мира.

Литература

1. Абашев, В. В. Пермь как текст / В. В. Абашев. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2000. – 404 с.
2. Бугров, К. Д. Соцгорода Большого Урала / К. Д. Бугров. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. – 472 с.
3. Габышев, Н. А. Наша с тобою жизнь : рассказы / Н. А. Габышев. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1972. – 248 с. (на якутском языке)
4. Гаврильева, В. Н. Божество Болугур / В. Н. Гаврильева. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1991. – 189 с. (на якутском языке)

5. Капкан, М. В. Уральские города-заводы: мифологические конструкты / М. В. Капкан // Известия Уральского государственного университета, 2006. – № 47. – Гуманитарные науки. – Вып. 12. Культурология. – С. 36–45.
6. Конкин, А. И. Университет в системе городской культуры : 24.00.01. : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Конкин Александр Иванович ; Южный федеральный университет. – Ростов-на Дону, 2007. – 137 с.
7. Лугинов, Н. А. Этажи : роман / Н. А. Лугинов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1980. – 208 с. (на якутском языке)
8. Неймохов, Е. П. Полет : повесть / Е. П. Неймохов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1986. – 224 с. (на якутском языке)
9. Неймохов, Е. П. Схватка : повесть / Е. П. Неймохов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1983. – 304 с. (на якутском языке)
10. Попов, Л. А. Кюндэли : рассказы, повести / Л. А. Попов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1970. – 288 с. (на якутском языке)
11. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное / В. Н. Топоров. – Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
12. Фрейденберг, О. М. Въезд в Иерусалим на осле / О. М. Фрейденберг // Миф и литература древности. – Москва, 1998. – С. 623–665.
13. Яковлев, В. С. – Далан. Доборуом, дабай күөх сыырдаргын : роман / В. С. Яковлев. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1991. – 424 с. (на якутском языке)

References

1. Abashev, V. V. Perm as a text / V. V. Abashev. – Perm : Perm University Publishing House, 2000. – 404 p. (In Russ.)
2. Bugrov, K. D. Social City of the Greater Urals / K. D. Bugrov. – Yekaterinburg : Ural University Press, 2018. – 472 p. (In Russ.)
3. Gabyshev, N. A. Our life with you : stories / N. A. Gabyshev. – Yakutsk : Yakut book publishing house, 1972. – 248 p. (in Yakut) (In Russ.)
4. Gavrilieva, V. N. Deity Bolugur / V. N. Gavrilieva. – Yakutsk : Yakut book publishing house, 1991. – 189 p. (in Yakut) (In Russ.)
5. Kapkan, M. V. Ural city-factories: mythological constructs / M. V. Kapkan // Proceedings of the Ural State University, 2006. – No. 47. – Humanities. – Issue 12. Culturology. – pp. 36–45. (In Russ.)
6. Konkin, A. I. University in the system of urban culture : 24.00.01. : dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences / Konkin Alexander Ivanovich ; South Federal University. – Rostov-on-Don, 2007. – 137 p. (In Russ.)
7. Luginov, N. A. Floors : a novel / N. A. Luginov. – Yakutsk : Yakut book publishing house, 1980. – 208 p. (in Yakut) (In Russ.)
8. Neimokhov, E. P. Flight : a story / E. P. Neimokhov. – Yakutsk : Yakut book publishing house, 1986. – 224 p. (in Yakut) (In Russ.)

9. Neimokhov, E. P. *Fight : a story* / E. P. Neimokhov. – Yakutsk : Yakut book publishing house, 1983. – 304 p. (in Yakut) (In Russ.)
10. Popov, L. A. *Kyundeli : stories, novels* / L. A. Popov. – Yakutsk : Yakut book publishing house, 1970. – 288 p. (in Yakut) (In Russ.)
11. Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoetic: favorites* / V. N. Toporov. – Moscow : Publishing group «Progress» – «Culture», 1995. – 624 p. (In Russ.)
12. Freidenberg, O. M. *Entry into Jerusalem on a donkey* / O. M. Freidenberg // *Myth and literature of antiquity*. – Moscow, 1998. – pp. 623–665. (In Russ.)
13. Yakovlev, V. S. – *Dalan. Doḡoruom, dabai kyēh syyrdargyn : a novel* / V. S. Yakovlev. – Yakutsk : Yakut book publishing house, 1991. – 424 p. (in Yakut) (In Russ.)

Сведения об авторе

НОЕВА (КАРМАНОВА) Саргылана Еремеевна – к. филол. н., н. с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: Noyeva79@mail.ru

NOEVA (KARMANOVA), Sargylana Eremeevna – Candidate of Philology, Researcher at the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS